

АКСИОЛОГИЯ: ЦЕННОСТИ И СВЯТЫНИ

А. Ю. Полтораков

DOI: 10.7256/1999-2793.2013.12.7350

УКРАИНСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ В ГЕОКУЛЬТУРНОМ (ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ) КОНТЕКСТЕ

Аннотация. Украина в геокультурном измерении является частью т.н. «Макрохристианского цивилизационного мира». Он характеризуется: внешне — единством прежде всего религиозных основ (христианство), внутренне — близостью основ аксиологических (ценностных), а также определенной историко-географической целостностью. «Украинская цивилизация» сочетает в себе элементы как «западной» модели, так и модели «восточной». По большинству историко-культурных «параметров» Украина явно тяготеет к Восточной, а не Западной составляющей Макрохристианского мира. Однако в разрезе иерархии ценностных приоритетов (свобода, равенство, братство) явной близости не наблюдается. Производная нечеткость иерархии ценностных приоритетов, характерная для украинского «национального характера», придает всей структуре достаточную гибкость для развития — достаточный уровень адаптивности. «Украинская идея» как национально-государственный проект не сводится к «подстраиванию» под определенную схему (ни Восточную, ни Западную), но тяготеет к творческому переосмыслению и адаптации возможных заимствований, доказавших свою перспективность.

Ключевые слова: культурология, ценности, цивилизация, свобода, равенство, братство, приоритеты, Украина, нация, геокультура.

Я бы хотел посвятить этот материал светлой памяти своего Учителя — выдающегося современного украинского историка-культуролога профессора Юрия Витальевича Павленко (1957–2012).

Счастье твое и мир твой, и рай твой, и Бог твой внутри тебя есть.

А ты смотри, чтоб Бог твой был всегда с тобою, тогда и ты с ним будешь.

Григорий Сковорода (1722–1794)

В дискуссиях о становлении и развитии современной украинской нации в общем геокультурном (цивилизационном) контексте, претендующих на научную серьезность и аналитическую глубину, нельзя не учитывать аксиологическую составляющую проблемы¹ — присутствие ценностного базиса, пропитывающего тот «народный дух» (Г.В.Ф. Гегель) или «национальный характер» (менталитет), к которому апеллируют как исследователи проблематики национальной идеи,

так и конструкторы национальных идеологий — причем как правые, так и левые².

При этом следует исходить из того, что Украина в геокультурном измерении является частью т.н. «Макрохристианского цивилизационного мира»³. Он характеризуется: внешне — единством прежде всего религиозных основ

² Ср.: Грач Л.И. Україна — не Європа. К., 2008.

³ См.: Павленко Ю. В. Західнохристиянська цивілізація Нового часу та Макрохристиянський світ // Розбудова держави. 1998. № 3–4; Цивілізаційні моделі сучасності. К., 2002; Цивілізаційна структура сучасного світу. Т. 2: Макрохристиянський світ в епоху глобалізації. К., 2008.

¹ См.: Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация // Природа. 1988. № 11.

(христианство), внутренне — близостью основ аксиологических (ценностных), а также определенной историко-географической целостностью.

В первом приближении основной набор ценностей, лежащих в основе современного развития того этого цивилизационного блока, можно свести к акцентуализированной еще Великой французской революцией (1789–1799) триединой связке принципов — «свобода, равенство и братство». Именно они во многом составляют ценностные приоритеты, образующие своеобразную «внутреннюю» социокультурную «систему координат», в контексте которой происходит «внешнее» политико-экономическое развитие современного Макрохристианского мира и прежде всего — Запада.

Различия между составляющими Макрохристианского мира — прежде всего между ее «Западной»¹ (Новоевропейско-Североамериканской) и «Восточной» (где доминирует Восточнославянско-Православный элемент)² — видятся лежащими в глубине соотношения между этими принципами, в своеобразной их иерархии.

Применительно к Западу иерархия ценностных принципов четко выражена в порядке: (1) свобода, (2) равенство, (3) братство — ведь отнюдь не случайно они расположены именно в такой последовательности.

В Северной Америке (прежде всего в США) — где становление современной цивилизации западного образца проходило буквально «в чистом виде», иерархия этих ценностей проявляется наиболее рельефно.

Приоритет свободы там пронизывает практически всю американскую действительность. Именно вдохновленные идеей свободы лихие поселенцы-пионеры осваивали Дикий Запад, именно статуя Свободы встречает прибывающих в гавань Нью-Йорка иммигрантов, именно идеология «свободы» лежит в основе возглавляемого США «нового крестового похода». Но именно разное понимание и применение идеи свободы — причина Гражданской войны в США (1861–65). Нелишне вспомнить также практически ничем

внешне неограниченную «свободу слова», любое поползновение против которой воспринимается буквально «в штыки» (доходя до акций протеста и массового неповиновения). Более чем примечательно, что девизом ЦРУ (весьма «закрытой» структуры) были избраны очень характерные строки Нового Завета «И да узришь ты истину, и истина сделает тебя свободным» (Иоанн 8:32).

Приоритет равенства также выражен достаточно четко и ярко — прежде всего в контексте «общества равных возможностей» по реализации пресловутой «американской мечты». (Нелишним также видится опыт многочисленных движений за равные права — расовых, сексуальных и прочих меньшинств.) Однако понятно, что базирующееся на принципе равенства идею «общества равных возможностей» реализовать без предварительного «условия» свободы невозможно. В силу этого, принцип «равенства» несколько уступает в иерархии принципу «свободы».

Приоритет «братства» концентрируется в социально-политических настроениях патриотизма — гордости за принадлежность к обществу «свободных и равных». Посему принцип «братства» в соответствующей иерархии занимает «почетное третье место» — как принцип в чем-то «суммирующий», сводящий весь ценностный конструкт в триединое целое.

Подобная иерархия принципов — хотя и не так ярко выражено — характерна и для Новоевропейского сегмента современного Западного мира.

Иерархия принципов «свободы, равенства и братства» в «Восточной» составляющей Макрохристианского мира видится иной — «обратной»: (1) братство, (2) равенство и (3) свобода.

Наиболее ярко выражаются эти принципы в России — современной геокультурной «сердцевине» «Восточной» составляющей Макрохристианского мира. Тем более, что современные историки и культурологи рассматривают «созданную Петром I (при активнейшем участии образованных украинцев вроде С. Яворского или Ф. Прокоповича) империю как явление не национального (таким были Московское царство и казачья Украина — Гетманщина), а цивилизационного порядка»³.

³ Павленко Ю. В. Восточнохристианская цивилизационная система и ее место во всемирно-историческом процессе // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 4.

¹ Ср.: Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order — Simon & Schuster, 1996.

² См.: Павленко Ю. В. Восточнохристианская цивилизационная система и ее место во всемирно-историческом процессе // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 4; Павленко Ю. В. Евразийство и цивилизационная структура постсоветского пространства // Наука та наукознавство. 2001. № 4.

Принцип «братства» позволил не только освоить гигантские просторы Северной Евразии, но и в течение многих веков удерживать их в едином целом.

Несмотря на достаточно пестрый этнонациональный состав (где тесно переплелись прежде всего славянская и тюркская составляющие), «русский мир» (прежде всего благодаря факторам русского языка и православия) остается достаточно целостным образованием — а его идея базируется именно на принципе «братства». Даже тщательно прививаемая идеология «интернационализма» несла в себе зерна идей братства («Раньше думай о Родине — а потом о себе!» и пр.).

(Примечательно, что 21 июня 1941 г. в журнале «Безбожник» была опубликована статья А. Евстратова «Патриотизм и религия». В ней в частности заявлялось: «Религия является злейшим врагом советского патриотизма <...> История не подтверждает заслуг церкви в деле развития подлинного патриотизма». Вдвойне примечательно, что уже в июле 1941-го «Безбожник» прекратил свое существование.)

Российский общественник С. Кара-Мурза резонно подметил: «Тем, кто был воспитан на Пушкине, Толстом и Достоевском, было невозможно принять в целом рационализм философа гражданского общества Дж. Локка, согласно которому, разделение людей оправдано, ибо «никто не может разбогатеть, не нанося убытка другому»¹.

Принцип «равенства» носит не только метафизический смысл (теологически — «все равны перед Богом» и т.п.). Идея равенства (в фокусе «социальной справедливости») лежала в основе таких процессов как коллективизация (в т.ч. раскулачивание) или даже репрессии 1930-х гг. (хотя бы частично) — и легко трансформировалась в «уровнировку» в период «застоя». Ленинский образ общества как «единой фабрики», управляемой согласно принципу единоличия, представлял собой яркий радикализированный вариант технократического объединения принципов равенства и братства. (Посему можно также вполне согласиться с украинскими исследователями, констатировавшими, что «модель ГУЛАГовского братства между палачом и жертвой, отразившаяся в словосочетании «добровольно-принудительный», приобрела в советский период всеохватывающий характер»²).

¹ Кара-Мурза С. К. Советская цивилизация. М.: Эксмо, 2008.

² Бельый О., Быстрицкий Е. Построение государства в Украине: пути легитимации // Политическая мысль. 1996. № 1.

С другой стороны, именно принцип равенства лежал в основе развития системы социального обеспечения — предоставления равного доступа к базовому набору социальных благ, прав и возможностей (здравоохранение, образование и пр.).

Принцип «свободы» в соотношении с принципами «братства» и «равенства» носит если и не второстепенный, то отнюдь не первостепенный характер. (Н. Бердяев проникновенно различал рабскую этику обиды и свободную этику вины и ответственности³.) «Общественное бессознательное народа во всей истории России «убеждено» в своей неспособности самостоятельно решить проблемы собственной жизни, — констатируют современные российские социологи. — В этом главная специфика российской цивилизации»⁴. Традиционная вера в «доброту царя» и доминирующие настроения ожидания «сильной руки» — показательное позиционирование И. Сталина как «эффективного менеджера»⁵ — не позволяют считать принцип свободы доминирующим. (Можно также вспомнить также реплику В. Ленина: «Свобода слова? — Мы самоубийством кончать не собираемся!»)

Выдающийся современный украинский историк-культуролог Ю. Павленко суммировал: «Если Запад в течение столетий развивался за счет раскрепощения индивида и его труда (при правовом оформлении соответствующих изменений), то в Российской империи закрепощение народных масс в течение XVII–XVIII вв. неизменно усиливалось, при наличии с середины XVIII в. и противоположных тенденций по отношению к высшему классу («Указ о вольности дворянства» и др.). Но и в последнем случае либеральные тенденции (при Елизавете, Екатерине II, Александре I) сменялись противоположными (при Петре III, Павле I, Николае I). Новое, уже тотальное порабощение личности мы видим в XX в. в первой половине периода большевистского господства»⁶.

³ Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики. Париж: YMCA-Press, 1939.

⁴ Кульпин Э. С. Становление системы основных ценностей российской цивилизации // История и современность. 2008. № 1.

⁵ Ср.: Хавкин Б. Новая популярность Сталина: роль сталинизма в процессе переосмысления прошлого в постсоветской России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2012. № 1.

⁶ Павленко Ю. В. Восточнохристианская цивилизационная система и ее место во всемирно-историческом процессе // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 4.

«Свобода в народном понимании означала полную автономию от государства и освобождение от всех обязательств, налогов и повинностей в пользу как государства, так и частных лиц»¹, — суммировал российский социальный историк Б. Миронов. Именно в силу подобных обстоятельств периодически заимствованные на Западе идеи либерализма никогда не находили достаточно благодатной для своего развития почвы — они либо явно не приживались в социально-психологической среде «рабов Божьих», либо неявно вырождались или существенно трансформировались (в особый «русский путь»² или «суверенную демократию»³).

Впрочем, именно принцип «свободы» — хотя и в весьма своеобразных его пониманиях и трактованиях — помогал осваивать бескрайние просторы Сибири и Дальнего Востока. Однако в условиях жесткого пресса выливался в «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» (А. Пушкин).

Несовпадение «западной» и «восточной» иерархии общих ценностных принципов макроцивилизационного плана достаточно четко проявилось во время Второй мировой войны.

Западные союзники по антигитлеровской коалиции идеологически боролись прежде всего за «свободу» — именно как вызов ей воспринимались идеологии фашизма/нацизма. (Не случайно символическим воплощением последнего стали концлагеря).

В основу идеологии войны, которую вела «Красная армия», лежал скорее принцип «братства». Вспомним хотя бы радиообращение И. Сталина к советскому народу (3 июля 1941 г.) «Братья и сестры!..» Да и ведущаяся СССР война отнюдь неслучайно получила название Великой Отечественной. (Реализуемые в рамках Второй мировой войны Советским Союзом «освободительные походы» были составляющим элементом кампаний по «воссоединению братских народов»).

¹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: ДБ (Дмитрий Буланин), 1999.

² Ср.: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.

³ Ср.: Хорина Г. П. Власть и демократия в русской культуре // Философия и культура. 2012. № 12.

Украина: витязь на распутье? (Вместо выводов)

Как купцы принимают предохранительные меры, лишь бы в виде хороших товаров не приобрести плохих и испорченных, так и нам следует тщательно следить, чтобы, выбирая друзей, это наилучшее украшение жизни, больше того — неопределимое сокровище, через небрежность не натолкнуться на что-то подделанное.

Григорий Сковорода (1722–1794)

Ощущение народом Украины ценностно-культурных отличий от других крупных общностей бывшего СССР, переживание своей национально-культурной особенности приобрело легитимирующее значение для массового признания на референдуме 1 декабря 1991 г. собственной политической власти и необходимости «самостоятельной» государственной политики⁴. (При этом, по данным Института социологии НАН Украины, в 1991 г. ценность демократии по пятибалльной шкале определялась гражданами на уровне 3,25 балла, в 2003 г. — 3,56, а в 2012 г. — 3,54 балла⁵.)

«Украинская цивилизация»⁶ (при всей условности подобного конструкта) сочетает в себе элементы как «западной» модели, так и модели «восточной». По большинству историко-культурных «параметров» Украина явно тяготеет к Восточной, а не Западной составляющей Макрорхристианского мира. Однако в разрезе иерархии ключевых ценностных приоритетов (свобода, равенство, братство) — явной близости не наблюдается. Так, принцип «братства» если и характерен в качестве одного из ключевых — то занимает явно не доминантное положение в структуре. Ведь менталитет, осмысливаемый в т.ч. в категориях «моя хата скраю» и ей подобных, плохо коррелируется с идеалами «братства».

Однако производная нечеткость иерархии ценностных приоритетов, характерная для украинского «национального характера», придает всей структуре достаточную гибкость для развития — достаточный уровень адаптивности.

⁴ Быстрицкий Е. Протодемократия и культурнополитические трансформации в Украине // Политическая мысль. 1994. № 4.

⁵ Ценности как указатели наших действий // Зеркало недели. 7 декабря 2012 г.

⁶ Ср.: Михальченко М. Українська регіональна цивілізація // Політичний менеджмент. 2003. № 1; Ткаченко В., Ресент О. Україна: на межі цивілізацій (історико-політологічні розвідки). К., 1995.

Общий контекст развития глобализации, которая в свое социокультурном измерении сводится, прежде всего, к вестернизации, предъявляет особые требования к развитию «национальной идеи», в непрерывном поиске которой находится Украина.

В современном виде глобальная вестернизация действует, прежде всего, как фактор «добровольно-принудительного» сближения. Однако она же одновременно вольно или невольно стимулирует и ускоряемую дифференциацию, проходящую, прежде всего, по линиям «цивилизационных разломов» («столкновения цивилизаций» по С. Хантингтону).

Опыт многих стран (прежде всего «восточных тигров» — начиная с послевоенной Японии и заканчивая современным Китаем) свидетельствует, что успеха можно достичь только тогда, когда социокультурные заимствования лишь дополняют и обогащают, а не подменяют и переделывают национальное.

Ни одна нация, слепо принявшая вестернизацию («скопировавшая» принципы «свободы, равенства и братства») и подогнавшая под нее «национальную идею», не достигла серьезных успехов и не обрела долгосрочной перспективы развития. Неудачниками оказались в первую очередь те, кто не ставил себе цели адаптировать западную схему применительно к собственной социокультурной специфике. И в случае механического перенесения западных принципов «свободы, равенства и братства» на достаточно инородную почву и незадействования традиций результатом сколь угодно благих

и внешне прогрессивных реформ оказывалась лишь социально-экономическая деградация. (Вспомним В. Высоцкого: «Дали мне свободу — что я с ней буду делать?»)

Так, навязывание Украине (нео) либеральной модели национально-государственного развития обернулось двуединой связкой «прихватизации» и «лихих 90-х», от негативных последствий которых мы страдаем до сих пор.

С другой стороны, жесткое навязывание «восточной» модели (тоже не совсем отвечающей социокультурным традициям) подводит к балансированию на грани скатывания в авторитаризм и сомнительным жертвам во имя преимущественно конъюнктурно понимаемого и используемого в корыстных целях приоритета «братства».

Иными словами, модернизация сугубо «по-западному» или «по-восточному» без первостепенного внимания к собственной социокультурной специфике (даже если она действительно очень близка к западной или восточной!) «чревата последствиями»: в среднесрочной перспективе калькирование — не конструктивно, а в долгосрочной — даже деструктивно.

В силу этого «украинская идея» как национально-государственный проект видится такою, что не сводится к максимальному «подстраиванию» под определенную схему — причем ни под Восточную, ни под Западную, — но тяготеет к творческому переосмыслению и адаптации возможных заимствований, доказавших свою перспективность. «Свой путь» Украине следует искать тщательно и вдумчиво — ни отменяя слепо якобы «чуждые» идеи, но и не копируя их также слепо.

Список литературы:

1. Белый О., Быстрицкий Е. Построение государства в Украине: пути легитимации // Политическая мысль. 1996. № 1.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990.
3. Бердяев Н. А. О рабстве и свободе человека. Опыт персоналистической метафизики. Париж: YMCA-Press, 1939.
4. Быстрицкий Е. Протодемократия и культурполитические трансформации в Украине // Политическая мысль. 1994. № 4.
5. Грач Л. І. Україна — не Європа. К., 2008.
6. Кара-Мурза С. К. Советская цивилизация. М.: Эксмо, 2008.
7. Кульпин Э. С. Становление системы основных ценностей российской цивилизации // История и современность. 2008. № 1.
8. Мамардашвили М. К. Сознание и цивилизация // Природа. 1988. № 11.
9. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: ДБ (Дмитрий Буланин), 1999.

10. Михальченко М. Українська регіональна цивілізація // Політичний менеджмент. 2003. № 1.
11. Павленко Ю. В. Восточнохристианская цивилизационная система и ее место во всемирно-историческом процессе // Социология: теория, методы, маркетинг. 2001. № 4.
12. Павленко Ю. В. Евразийство и цивилизационная структура постсоветского пространства // Наука та наукознавство. 2001. № 4.
13. Павленко Ю. В. Західнохристиянська цивілізація Нового часу та Макрохристиянський світ // Розбудова держави. 1998. № 3–4.
14. Ткаченко В., Реєнт О. Україна: на межі цивілізацій (історико-політологічні розвідки). К., 1995.
15. Хавкин Б. Новая популярность Сталина: роль сталинизма в процессе переосмысления прошлого в постсоветской России // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры. 2012. № 1.
16. Хорина Г. П. Власть и демократия в русской культуре // Философия и культура. 2012. № 12.
17. Ценности как указатели наших действий // Зеркало недели. 7 декабря 2012 г.
18. Цивилизационная структура современного мира. Т. 2: Макрохристианский мир в эпоху глобализации. К., 2008.
19. Цивилизационные модели современности. К., 2002.
20. Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order — Simon & Schuster, 1996.

References (transliteration):

1. Belyi O., Bystritskii E. Postroenie gosudarstva v Ukraine: puti legitimatsii // Politicheskaya mysl». 1996. № 1.
2. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma. M.: Nauka, 1990.
3. Berdyaev N.A. O rabstve i svobode cheloveka. Opyt personalisticheskoi metafiziki. Parizh: YMCA-Press, 1939.
4. Bystritskii E. Protodemokratiya i kul'turpoliticheskie transformatsii v Ukraine // Politicheskaya mysl». 1994. № 4.
5. Grach L.I. Ukraïna — ne Evropa. K., 2008.
6. Kara-Murza S. K. Sovetskaya tsivilizatsiya. M.: Eksmo, 2008.
7. Kul'pin E.S. Stanovlenie sistemy osnovnykh tsennostei rossiiskoi tsivilizatsii // Istoriya i sovremennost». 2008. № 1.
8. Mamardashvili M. K. Soznanie i tsivilizatsiya // Priroda. 1988. № 11.
9. Mironov B. N. Sotsial'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XX v.). Genezis lichnosti, demokraticheskoi sem'i, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva. SPb.: DB (Dmitrii Bulanin), 1999.
10. Mikhal'chenko M. Ukraïns'ka regional'na tsivilizatsiya // Politichnii menedzhment. 2003. № 1.
11. Pavlenko Yu.V. Vostochnokhristianskaya tsivilizatsionnaya sistema i ee mesto vo vsemirno-istoricheskom protsesse // Sotsiologiya: teoriya, metody, marketing. 2001. № 4.
12. Pavlenko Yu.V. Evraziistvo i tsivilizatsionnaya struktura postsovetskogo prostranstva // Nauka ta naukoznastvo. 2001. № 4.
13. Pavlenko Yu.V. Zakhidnohristiyans'ka tsivilizatsiya Novogo chasu ta Makrokhrystiyans'kii svit // Rozbudova derzhavi. 1998. № 3–4.
14. Tkachenko V., Reent O. Ukraïna: na mezhi tsivilizatsii (istoriko-politologichni rozvidki). K., 1995.
15. Khavkin B. Novaya populyarnost» Stalina: rol» ctalinizma v protsesse pereosmysleniya proshlogo v postsovetskoi Rossii // Forum noveishei vostochnoevropetskoi istorii i kul'tury. 2012. № 1.
16. Khorina G. P. Vlast» i demokratiya v russkoi kul'ture // Filosofiya i kul'tura. 2012. № 12.
17. Tsennosti kak ukazateli nashikh deistvii // Zerkalo nedeli. 7 dekabrya 2012 g.
18. Tsivilizatsionnaya struktura sovremennogo mira. T. 2: Makrokhrystianskii mir v epokhu globalizatsii. K., 2008.
19. Tsivilizatsionnye modeli sovremennosti. K., 2002.